

Информация для цитирования:

Шлемова Н. Н. Городской нарратив Д. Бавильского : опыт прочтения челябинского текста / Н. Н. Шлемова, Е. В. Канищева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 304—322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-304-322.

Shlemova, N. N., Kanishcheva, E. V. (2025). Urban Narrative of D. Bavilsky: An Interpretation of Chelyabinsk Text. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 304-322. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-304-322. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Городской нарратив Д. Бавильского: опыт прочтения челябинского текста

Шлемова Наталья Николаевна
orcid.org/0000-0003-1796-6533
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка и литературы
kundaevann@susu.ru

Канищева Елена Валерьевна
orcid.org/0000-0002-0294-2312
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка и литературы,
корреспондирующий автор
kanishchevaev@susu.ru

Южно-Уральский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 24-28-20286 «Образ Челябинска в нарративах деятелей искусства: цифровые инструменты прочтения городского текста»

Urban Narrative of D. Bavilsky: An Interpretation of Chelyabinsk Text

Natalia N. Shlemova
orcid.org/0000-0003-1796-6533
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
Language and Literature
kundaevann@susu.ru

Elena V. Kanishcheva
orcid.org/0000-0002-0294-2312
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
Language and Literature,
corresponding author
kanishchevaev@susu.ru

South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number № 24-28-20286, “The Image of Chelyabinsk in the Narratives of Artists: Digital Tools for Reading the Urban Text”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению особенностей создания городского нарратива в творчестве челябинского писателя Дмитрия Бавильского. Целью работы стало выявление специфических вариантов прочтения городского текста на материале цикла «Существительное». Методологической основой исследования послужило обращение к основам нарратологии, подходам геопоэтики и принципам ментального картографирования, позволяющим определить уникальность видения образа города. Доказано, что городской нарратив в цикле Д. Бавильского «Существительное» позволяет акцентировать особый хронотоп города, описываемый через положение окраины: Чердачинск (название, соотносительное с *Челябинск*) находится на границе определенного географического локуса и в то же время на границе миров. Авторы статьи подчеркивают, что город в произведениях Д. Бавильского соотносится с образом героя, пытающегося осмыслить собственное «я» через восприятие пространства, описать состояние «внезаходимости», заполнить его субъективными ценностными характеристиками. Отмечается, что ведущим приемом построения текста Д. Бавильского является антитеза. Анализ исследуемого материала позволил дополнить традиции изучения челябинского текста и творчества Д. Бавильского, охарактеризовать высокий уровень рефлексии образа города в творчестве писателя.

Ключевые слова:

городской нарратив; городской текст; образ городской окраины; пространство города; ментальное картографирование; Дмитрий Бавильский.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the distinctive features of urban narrative construction in the works of Chelyabinsk writer Dmitry Bavilsky. The primary objective of this study is to identify specific interpretative variations of urban text within the framework of the cycle "Noun." The methodological foundation of the research is grounded in the principles of narratology, approaches from geopoetics, and the concepts of mental cartography, which allow for the delineation of a unique vision of the cityscape. It is demonstrated that the urban narrative in D. Bavilsky's cycle "Noun" emphasizes a particular chronotope of the city, described through the lens of its periphery: Cherdachinsk (a name resonant with Chelyabinsk) exists at the boundary of a specific geographical locus while simultaneously straddling different worlds. The authors highlight that the city in Bavilsky's works is intricately linked to the image of a protagonist striving to comprehend their own "self" through spatial perception, articulating a state of "non-belonging," and filling it with subjective value characteristics. It is noted that a leading technique in Bavilsky's text construction is antithesis. The analysis of the material allows for an enrichment of the traditions surrounding the study of Chelyabinsk text and Bavilsky's oeuvre, characterizing a high level of reflection on the image of the city in the writer's work.

Key words:

urban narrative; urban text; image of the urban periphery; space of the city; mental cartography; Dmitry Bavilsky.

Городской нарратив Д. Бавильского: опыт прочтения челябинского текста

© Шлемова Н. Н., Канищева Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

Город как «ментальный конструкт и социокультурный феномен» [Аванесов, 2016, с. 16] представляет пространство смыслов и ценностей, репрезентирующее духовный, эстетический, перцептивный опыт горожан, осмысление которого влияет на формирование локальной и культурной идентичности. Данное обстоятельство является одним из факторов, актуализирующих городские исследования, охватывающие разные области гуманитарного знания. В рамках Urban Studies одним из концептуальных становится утверждение о том, что «города — не чистые листы, а нарративные пространства, в которые вписаны [разнообразные] истории» [Серто, 2010, с. 120], определяющие уникальность города. В работах ученых (Е. И. Спешиловой, С. С. Аванесова) развивается мысль о том, что городской нарратив формируется теми, кто «перемещается» по городу и наделяет места, объекты пространства символическим «человеческим значением» [Спешилова, 2024, с. 113], опираясь на собственный социокультурный опыт и воображение. К. Линч в книге «Образ города» говорит о возможности читать город как текст [Линч, 1982, с. 16—19]. С. С. Аванесов замечает, что «человек в городе действует не только как читатель текстов, но и как их интерпретатор, корректор и создатель» [Аванесов, 2016, с. 11].

Город-текст формирует некий образ. По утверждению Е. Меднис, «индивидуальные образы городов порождают “городские тексты”» [Меднис], явленные в наибольшей степени в произведениях искусства. По утверждению В. Абашева, «в художественной литературе локальные тексты достигают той высокой степени осмысленности и завершенности, которая вводит их в культуру», и именно в художественных произведениях город обретает собственный голос [Абашев, 2012, с. 13]. Изучение художественного осмысления города, связанное со стремлением «услышать его голос», представляет научную значимость, поскольку ведет к постижению городского пространства. Этим обусловлена актуальность данного исследования.

В рамках представленной статьи исследуются особенности городского нарратива Д. Бавильского — писателя, в творчестве которого челябинский текст достигает уровня высокой рефлексии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для данного исследования послужил цикл Д. Бавильского «Существительное», состоящий из нескольких произведений: «Места в Чердачинске, напоминающие другие города. *Отрывок из романа “Едоки картофеля”*» (здесь и далее курсив Д. Бавильского), «Поселок (*романное пространство*)», «Чердачинск. *Складки на поверхности*», «Иглоукалывание. *Поиск интонации*», «Смородина. *Бал манекенов*». Цикл опубликован в 2013 году в книге «Невозможность путешествий», посвященной путешествиям, городам и способам их «прочтения» [Бавильский, 2013]. Специфической особенностью цикла является подборка разножанровых произведений, объединенных концепцией создания городского нарратива.

Цель исследования — изучение специфики воплощения городского нарратива в творчестве писателя, выявление особенностей вариантов прочтения городского текста в цикле «Существительное».

Методологической основой изучения городского текста Д. Бавильского является обращение к теории нарратива и основам нарратологии.

Понятие нарратива активно используется в разных областях социально-гуманитарных наук, обнаруживая, по утверждению А. Борисенковой, «высокий потенциал в исследованиях природы знания (как повседневного, так и научного)» [Борисенкова, 2010]. Широкое употребление данного понятия стало основанием для разговора о «нарративном повороте» (Мартин Крейсворт) в социогуманитарных науках [Kreishwirth, 1993].

Продуктивный подход к изучению города с точки зрения городских нарративов предложил французский философ Мишель де Серто в труде «Изобретение повседневности». Предлагая рассматривать город как текст, ученый тем самым указал семиотическое решение проблемы. В основе метода — представление о городе как сложном тексте, который является результатом одновременного и несовпадающего творчества его создателей и простых обывателей. В городских нарративах он увидел «мощный инструмент» оживания города. Нарративы, по Серто, «создают иное измерение города» [Серто, 2010, с. 120]. Это мнение разделяет французский социолог и теоретик А. Лефевр, видевший в рассказах средство производства пространства в его символическом, глубоко переживаемом аспекте. Сегодня идеи М. де Серто и А. Лефевра стали одной из основ Urban Studies: «Города — не чистые листы, а нарративные пространства, в которые вписаны разнообразные истории» [Мартина и др., 2019, с. 45].

В отечественной традиции идеи о роли нарративов в жизни города формировались в русле изучения городской семиотики в исследованиях представителей тартуско-московской школы, прежде всего Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова.

В теории нарратива существует позиция, согласно которой «нарратив — это способ организации в сознании данных опыта, то есть, иными словами, когнитивный инструмент» [Маслов, 2020, с. 37]. Данная идея, принадлежащая Эдварду Бранигану, важная для понимания философии нарратива, развивается и в труде Поля Рикера «Время и рассказ». В этом смысле под нарративом понимают способ вербальной организации элементов опыта — событий, впечатлений, переживаний, идей [Рикер, 2000].

В литературоведении сложился вектор осмысления нарратива, согласно которому «наррация появляется в связи с кристаллизацией личного опыта (в том числе и взаимодействия с природой) как культурного феномена», а цель нарративных высказываний — «накопление опыта, фиксация событийной памяти» [Тюпа, 2001, с. 9].

По утверждению Е. К. Созиной, И. В. Силантьева, «нарратив — последовательность изложенных, рассказанных, явленных в определенном коммуникативном акте событий» [Силантьев и др., 2013, с. 60]. Как подчеркивают ученые, «вне нарратива не может быть и события как такового: нерассказанного события не существует, оно формируется и живет только в зоне своей адресованной рассказанности, только как сообщение, посланное другому или себе как другому» [Силантьев и др., 2013, с. 60]. При этом литературный нарратив выстраивается по «принципу вымышленного конструирования события» [Силантьев и др., 2013, с. 62].

Путь к выбору адекватных аналитических инструментов в рамках данного исследования связан с подходами, выработанными в рамках геопоэтики, «обозначающей формы и пути интеллектуального и эстетического освоения географических территорий, ландшафтов, топографических мест, работу с их образами и мифами, различные географические и пространственные аспекты художественных, научных и non-fiction произведений» [Сид, 2015, с. 153]. В статье О. Н. Александровой-Осокиной «Вопросы геопоэтики в современном литературоведении» описана природа геопоэтического образа, обоснована его роль как инструмента исследования поэтики текста [Александрова-Осокина, 2020]. В. В. Абашев под геопоэтическим образом понимает «символический образ территории как единого целого» [Абашев, 2012, с. 144]. В своих методологических основах геопоэтика развивает научные концепции в области исследования локальных текстов (Р. Барт, В. Топоров, Меднис и др.), представляющих совокупность кодов, метафор, символов, отражающих восприятие пространства.

Опираясь на данные положения, мы изучаем произведения Д. Бавильского, представляющие городской нарратив автора и предлагающие оригинальную оптику прочтения челябинского текста.

Необходимо определить специфику понятия «челябинский текст». Он представляет собой вариант локального текста, находящегося сегодня на стадии теоретического осмысления. Во многих исследованиях термин понимается достаточно широко. Например, существуют работы, посвященные изучению челябинского локального энциклопедического текста, в которых предложено описание «его типичных супер-, макро- и тематической структур» [Яковлев, 2015], работы, изучающие медиатекст СМИ Челябинска, текст баннеров и плакатов [Мамонова, 2019; Симакова, 2009; Решетников, 2009].

В литературоведческих исследованиях термин используется по аналогии с уже существующими и теоретически оформленными понятиями «петербургского текста», «московского текста», «уральского текста», «пермского текста». При этом отдельные литературоведы выделяют его в самостоятельный феномен, отправной точкой для формирования которого становятся указания на «Уральский треугольник» Пермь — Екатеринбург — Челябинск, включающий в себя и другие города региона [Семьян и др., 2015].

Изучение особенностей челябинской региональной литературы широко представлено в работах челябинских литературоведов, которые анализируют как творческие системы отдельных уральских писателей, так и литературу региона в целом.

Л. Р. Мусина использует термин *челябинский городской текст*, предлагая его узкое значение. Исследователь понимает под ним «комплекс художественных текстов о Челябинске», говорит о том, что образ города формирует его имидж, бренд. Автор подчеркивает, что «образ города сегодня сложен и полемичен»: он воспринимается одновременно как пограничный город, город трудовой славы, «город-богатырь» [Мусина, 2010, с. 63].

В широком значении термин *челябинский текст* звучит в работах Е. А. Смышляева, понимается как совокупность художественных произведений писателей Челябинска. Будучи вариантом локального текста, он «характеризуется употреблением местных топонимов, мотивами жизни городских окраин и широкой палитрой индивидуальных художественных практик» [Смышляев, 2014, с. 115]. Е. М. Ставцева предлагает установить разграничение между терминами *челябинский миф* и *челябинский текст*: «Челябинский текст — это воплощение этого инварианта челябинского мифа на текстовом уровне» [Ставцева, 2016, с. 193].

Челябинский текст находит яркое воплощение в творчестве Д. Бавильского. Его произведениям (роману «Красная точка», книгам «Ангелы

на первом месте», «Желание быть городом. Итальянский травелог эпохи Твиттера в шести частях и 35 городах», романам «Семейство пасленовых», «Едоки картофеля» и мн. др.) посвящено большое количество рецензий. При этом существует значительно меньшее количество литературоведческих исследований поэтики творчества Д. Бавильского.

Трилогии «Знаки препинания» посвящена глава диссертационного исследования Е. М. Ставцевой «Жанровые трансформации в современной челябинской прозе» [Ставцева, 2017]. Характеристика структурных и концептуальных особенностей произведений об Италии предложена в статьях О. Ф. Ладохиной «Топонимика Венеции в произведениях Кати Марголис и Дмитрия Бавильского» [Ладохина, 2021], И. Банах «Коллективная versus автобиографическая память в книге Дмитрия Бавильского Музей воды. Венецианский дневник эпохи Твиттера» [Banakh, 2021]. Анализ челябинского текста в творчестве Д. Бавильского представлен в статье А. В. Черновской «Челябинский текст в романе Д. Бавильского “Красная точка”», в которой автор отмечает, что «образ города обусловлен субъективным характером восприятия человека, находящегося в его пространстве, испытывающего определенные эмоции, переживания» [Черновская, 2022, с. 295]. А. В. Черновская исследует топонимы в произведении Д. Бавильского, указывает на детали и эпитеты, сопровождающие описание города [Черновская, 2022]. Образ города и варианты воплощения челябинского текста в произведениях автора описаны в статьях различных исследователей: А. Р. Медведевой «Поэтика городского пространства сквозь призму теории атмосферы Г. Беме (на примере романа Д. Бавильского “Красная точка”» [Медведева, 2023], «Город как когнитивное расширение: путешествие поперек пространства в романе Д. Бавильского “Красная точка”» [Медведева, 2023], Я. Я. Пекарь «Повседневность как травма в романе Д. Бавильского “Едоки картофеля”» [Пекарь, 2023]. Образ Челябинска в романе «Едоки картофеля», по мнению Я. Я. Пекарь, имеет тяжелый, неприглядный характер: «Возникающий на страницах произведения город Чердачинск — это статичные фотографии пустоты и асфальтовых трещин, “сшитый”, как лоскутное одеяло, готичный мир грубых и грязных образов. Здесь выживают герои, практически лишенные эмоций и переживаний, уставшие от самих себя и от города, давящего и приближающего депрессии, самоубийства, насилие и собственно олицетворяющего смерть» [Пекарь, 2023, с. 106—107].

Интересный способ трактовки романа Д. Бавильского «Красная точка» предложен в статьях А. Р. Медведевой. Автор анализирует принципы перекодировки стратегий цифрового текста в аналоговый текст, изучает «интерфейс восприятия города» через анализ особенностей организации текста, описывая их как особенности гипертекстовой структуры: «Ин-

терфейс города в романе реализован как сеть взаимосвязанных данных, переключение между которыми поддерживает образ города, доминирующий над реальным пространством; в то же время такая структура текста поддерживает осознание параллелизма опыта, проживание лишь одной из возможностей. Цифровая логика (фрагментация и гипертекст) воссоздает в романе иную картину когнитивного осмысления городского пространства как пространства с множеством слоев, наблюдать которые человек может одновременно» [Медведева, 2023, с. 153].

Мы предлагаем трактовку челябинского текста в произведениях Д. Бавильского, основанную на анализе городского нарратива писателя, геопоэтического образа пространства.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Нарратив городской окраины в творчестве Д. Бавильского

Челябинск в произведениях писателя имеет номинацию «Чердачинск», подчеркивающую идею близости к небу, положения над происходящим на земле. Объяснения подобной трактовки сложившегося неологизма автор давал в интервью, например, газете «Аргументы и факты» в 2017 году: «Челябинск надо эстетизировать не для кого-то, а в первую очередь для себя. Ну и лишний раз подчеркнуть таким образом свою субъективность. <...> Он для меня — пик и крыша мира. <...> Для меня это пик всего — как цивилизационного, так и моего собственного развития, от которого следует стартовать далее. Чердачинск — и “крыша дома твоего”, и место, которое, как периодическая система Менделеева, содержит в себе все элементы (подчас буквально)» [Дмитрий Бавильский..., 2017].

Челябинск в творчестве Д. Бавильского воплощается через нарратив городской окраины, позволяющий акцентировать особый хронотоп в изображении города. Положение окраины, нахождение на границе определенного географического локуса и в то же время на границе миров — вектор создания нарратива города в творчестве Д. Бавильского.

Нарратив окраины наиболее ярко читается в рассказе «Поселок», описывающем жизнь города через восприятие его отдельного окраинного района. Это место, которое не имеет названия, номинация *Поселок* прочно закрепляется за указанным географическим локусом. Пугающая обстановка, ощущение нужды, неблагополучия, реализуемые через мортальные мотивы, — главные характеристики безымянного пространства, находящегося «на берегу города» [Бавильский, 2013, с. 172]. При этом в восприятии героя Чердачинск — «город, в котором *все* окраина» [Бавильский, 2013, с. 186].

Концепт окраины противопоставляет жителя Поселка жителю города, подчеркивает формирование в сознании героя особых ценностных ориен-

тиров, особого способа восприятия окружающей среды, вырисовывающейся в конкретных координатах.

В целом городской нарратив творчества Д. Бавильского основан на использовании элементов ментального картографирования [Линч, 1982, с. 16—19], позволяющего автору создать собственное, субъективное пространство города.

В цикле «Существительное» Челябинск описан через реальные географические координаты, указание на городские локусы. Произведения цикла «Места в Чердачинске, напоминающие другие города» и «Чердачинск. Складки на поверхности» представляют собой список знаковых мест Челябинска, имеющих отношение к биографии, воспоминаниям, истории героя. Перечисление конкретных точек, которые легко найти на карте города, сопровождается элементами чувственного восприятия — описанием запахов и визуальных образов, музыкальных ассоциаций: «слепые глазницы карьера в черте города» [Бавильский, 2013, с. 185]; «И над всем этим — небообразное, как партитура Шостаковича, точнее, полифоничное, как симфонические массивы Прокофьева» [Бавильский, 2013, с. 185]. Описание каждой «точки притяжения» дано через картину личного субъективного восприятия, связанного с интенцией автора эстетизировать пространство.

Рассказ «Поселок» также открывается указанием на конкретные места города, создающие «схему пространства» [Бавильский, 2013, с. 143] в авторском восприятии. Воспоминания, ассоциации, размышления о социальной несправедливости обрамлены в рассказе точными координатами. Многие городские локусы имеют оценочную окраску: «школа для дураков», «конечная остановка», «фабрика для глухонемых», «необжитая девятиэтажка», «психиатрическая больница». Важно, что каждое название имеет негативную оценку, город воспринимается как пространство неустроенной, обделенной, неблагополучной жизни. Указание на существующие элементы городского пространства создает образ мегаполиса, одновременно реальный и вымышленный, рождающийся в сознании героя.

Неопределенностью характеризуется и хронотоп цикла «Существительное», представленный в смещении временных и пространственных координат. Каждый текст Д. Бавильского направлен на создание единой вневременной и внепространственной картины мира.

В творческом сознании объединяются Челябинск и Венеция, Бухарест, Пекин, Голландия, «типичный южный курортный городок» и др.: «Гостиница “Южный Урал”, выкрашенная в розовый цвет, — если смотреть на нее от выставочного зала Союза художников на улице Цвиллинга — напоминает венецианское палаццо. Тогда проезжающий мимо красный трамвай усть-катавской сборки — гондола» [Бавильский, 2013, с. 135]; «Дом

по улице Коммуны с кассами “Аэрофлота”, стоящий напротив белого дома с детской библиотекой по улице Пушкина (особенно верхняя его часть) [похожа], — на пекинские “ласточкины гнезда”» [Бавильский, 2013, с. 135].

В рассказе «Поселок» в реальном пространстве города мыслятся «серый бетонный саркофаг», готическая башня. Подобные смешения указывают на вечность описываемых категорий в творческом сознании художника.

Наиболее часто в тексте цикла встречаются пространственные переключки между Чердачинском и Москвой. Данное пространственное наложение напоминает принцип палимпсеста [Шлемова и др., 2024], городские пространства не переключаются в ассоциативных связях, а словно просвечивают одно через другое: «Сколько раз в Москве такое было: идешь по Усиевича в сторону “Аэропорта” и перпендикулярно этому оказываешься в непосредственной близости от памятника “Сфера любви” возле кинотеатра “Урал” [в Челябинске] или на Елисейских полях. В Венецианском лабиринте или на набережной Тель-Авива. Никогда ведь не знаешь, где окажешься» [Бавильский, 2013, с. 205]. Использование данного приема объясняется спецификой творческого мышления героя, живущего в двух городах: «Это важно, ибо очень часто я ловлю себя на том, что несу в себе места своего постоянного пребывания — эти или те, московские. Я не вспоминаю про них, не выкликаю, не загружаю в оперативную память, но они длятся параллельно моему существованию в каком-то внутреннем зрении всегда и время от времени обращают на себя внимание» [Бавильский, 2013, с. 154].

Важно, что Чердачинск становится не просто похожим на другие города, он заключает в себе приметы этих городов, таким образом становясь и связующим звеном между разрозненными локусами, и центром этого мира. Житель Чердачинска — человек мира, способный не только путешествовать, но и синтезировать разрозненные локусы, не разделяя их в творческом сознании.

Прием картографирования направлен не столько на фиксацию элементов местности или пространства, сколько на акцентуацию категорий памяти, философии жизни, эмоций, субъективного восприятия событий.

Общая установка автора на эстетизацию городского пространства, указание на абсолютность данного локуса создают особый характер мифологического восприятия образа города. Главная характеристика Чердачинска, звучащая в рассказе «Поселок», обозначена как «запущенная сказочность» [Бавильский, 2013, с. 166]. При этом пространство города всегда является «неуловимым», словно находится за пределами эмпирического восприятия. Поселок становится тем локусом, о существовании которого многие не догадываются, это закрытое, ирреальное пространство: «Такому новичку неизвестно, что за узкой полосой постоянно исчезающего леса живут ин-

тровертной жизнью тихие поселки вроде нашего, невидимые со стороны шоссе» [Бавильский, 2013, с. 191].

Город в произведениях Д. Бавильского одушевляется, описывается в точных физиогномических или физиологических подробностях: «...мне вдруг показалось, что у старой элитки по Толбухина снесло не крышу, но полчерепа» [Бавильский, 2013, с. 148], «...по мере отдаления от центра города (дом наш стоит в поселке на границе с областью), когда этажность начинает резко падать, точно температура в выздоравливающем теле» [Бавильский, 2013, с. 191].

Мифологическое восприятие образа города реализуется через регулярное обращение к символическим пространствам перекрестка, подземки, а также через создание мифических образов.

Перекресток в произведении «Поселок» ассоциирован с образом креста: «Чердачинск имеет форму креста...» [Бавильский, 2013, с. 143]. Данная параллель сакрализует образ города, наделяет его вечными ценностными характеристиками и значением. Перекресток и крест связаны с тенденцией противопоставления, антитезы, которая играет важную роль при создании нарратива города: «мучительное прошлое» [Бавильский, 2013, с. 144], реализуемое через мотив смерти, противопоставлено в текстах таинственному, сакральному. Перекресток маркирует векторы движения, обозначает противопоставление разных сторон света.

Другим важным символическим пространством в произведениях Д. Бавильского является подземный переход. В начале рассказа «Поселок» в авторском субъективном восприятии он представляет собой сложную систему «с массой рукавов и выходов» [Бавильский, 2013, с. 137]. Сложная архитектура подземки московского метро словно накладывается на пространство Челябинска, совмещая в авторском сознании данные координаты, расширяя границы восприятия мира, подчеркивая единое и «внепространственное» восприятие образа городов.

Подземный переход становится подобием инфернального пространства, погружаясь в которое герой попадает в сложную систему ассоциативных переходов между мирами, пространствами, городами: «... опускаясь ниже уровня земли, словно входили в теплый бассейн всеобщей осмысленности» [Бавильский, 2013, с. 140], «Ты точно плыл вместе с городом навстречу весне...» [Бавильский, 2013, с. 140].

Герою произведений свойственно мифологическое восприятие окружающего пространства, он указывает на подобию божественных существ, существующих в мире современного ему города: «...“светлое время суток” имеет уже какое-то совершенно иное агрегатное состояние — васильково-синее; даже васильково-василисковое, пронзительное, тоскливо стоящее

над городом» [Бавильский, 2013, с. 201]; «... начинает казаться, что сетевой Апокалипсис на пороге, но чу! — возят, значит, зерно, и Посейдены (бог такой, типа Посейдона, божество Крапивы и Полынного завтрака), <...> значит, не дремлет» [Бавильский, 2013, с. 171]; «Атланты держат небо на памятных плечах» [Бавильский, 2013, с. 171].

Мифическими чертами наделены некоторые реальные географические локусы города, например Ойкумена (название строительной компании). Данная координата не расшифрована в тексте, тесно вписана в географический контекст, подчеркивает таинственность, загадочность пространственной организации города.

3.2. Роль субъективного восприятия городского пространства в произведениях Д. Бавильского

В произведениях Д. Бавильского акцентирована мысль о том, что личность существует только через «участие» в ней пространства, именно пространство является «выигрывающим у кино и театра, а теперь уже даже и у книг» [Бавильский, 2013, с. 139]. Таким образом, личное восприятие формирует городской нарратив Д. Бавильского.

В предисловии-эпиграфе к циклу «Существительное» даны философские размышления Сенеки о невозможности убежать от себя, от груза своей души. Это отправная точка для размышлений, подтверждающая мысль о том, что в центре картины мира неизбежно находится сам человек, все окружающее его пространство становится отражением его личности, субъективности восприятия. Таким образом, пространство города, его образ, по мысли автора, формируется исключительно в сознании путешественника, рисующего свою карту мира, выбирающего свою траекторию движения. Герой произведений осознает взаимосвязь процесса самопознания и путешествия, когда человек познает себя, свою личность через путешествие (путешествует, чтобы познать себя): «Впрочем, русский путешественник тем и отличается от всех прочих, что перемещается не вширь, но вглубь, причем не пространства, но самого себя» [Бавильский, 2013, с. 203].

Чердачинск для героя произведений писателя — пространство «вне-находимости», из которого хочется убежать и к которому одновременно необходимо вернуться, чтобы приобрести «новый опыт обретения старого места» [Бавильский, 2013, с. 188].

Данная двойственность состояния героя рождает специфику нарратива городского пространства, раскрывающегося, например, в рассказе «Иглоукальвание». Нарратив путешествия с первых строк произведения приравнивается к внутренним наблюдениям за изменениями восприятия, смене чувств, ощущений героя. При этом концепция одновременного присутствия и отсутствия в определенном пространстве дает герою преимущество ви-

деть и чувствовать больше обычного обывателя: «... нужен взгляд местный и одновременно сторонний — игольчатый» [Бавильский, 2013, с. 203].

Ведущим приемом построения текста Д. Бавильского является антитеза, определяющая способ отношения к миру, способ поиска собственного я. В цикле Д. Бавильского заявлена целая система противопоставлений: вертикаль многоэтажек — горизонталь подземных переходов, желание присутствовать в конкретном пространстве — ощущение «внеаходимости», интенция эстетизировать окружающее пространство — указание на его неустроенность, противопоставление города и его окраины.

В антитезе выражается и главная концепция цикла, главная задача постижения пространства: «Все там, где ничего нет. Где ничего не видно (глаз замылился) — и где смысл открывается навстречу пытливому взгляду» [Бавильский, 2013, с. 139].

Под авторским «я» в произведении Д. Бавильского скрывается и автор, и герой. Все проходит через призму субъективного восприятия мира, «я» вписано в пространство Челябинска.

При этом герой и субъективное «я» текста всегда оказываются внутри городского пространства, именно оно становится отправной точкой в городах типа Чердачинска для создания реальной и одновременно личной картины мира, в которой сам человек определяет место: «... ты сам становишься пунктуом, сам становишься центром, начиная сплестать вокруг себя стихийную поэму без героя» [Бавильский, 2013, с. 138].

Герой цикла Д. Бавильского отождествляет себя с городом, он чувствует и понимает окружающую среду, подчеркивает единство личного и городского. Данная мысль формулируется через систему сопоставления личных переживаний и образов города: «... эти иглы ввинчиваются в плоть и уходят вглубь, точно воздуховоды» (о процедуре иглоукалывания) [Бавильский, 2013, с. 192], «Чувствуешь, что ты старый, подтекающий водопровод» [Бавильский, 2013, с. 196], «А еще представляешь себя картой города...» [Бавильский, 2013, с. 196].

Постепенно в цикле развивается идея общности не только человека и города, когда город = человек и одновременно человек = город, но и общность всего мирового пространства, всего существующего в мире, неразделимости бытия на составные части.

4. Заключение = Conclusions

Городской нарратив в цикле Д. Бавильского «Существительное» позволяет акцентировать особый хронотоп города, описываемый через положение окраины. Чердачинск находится на границе определенного географического локуса и в то же время на границе миров.

Герой произведений Д. Бавильского проходит путь субъективного восприятия пространства, являющийся способом глубокого самопознания. Положение одновременного присутствия в городе и «внеаходимости» рождает возможность четко видеть описываемый локус и глубже анализировать собственное «я», неразрывно с ним связанное. Через личное восприятие пространства города, создание субъективного городского нарратива формируется концепция цикла «Существительное» — единство внешнего (городского) и внутреннего (ощущения города), единство личности и мира.

Изображение пространства в произведении Д. Бавильского осуществляется через прием картографирования — описание конкретных географических локусов, при этом сопровождающееся эмоциональными оценочными характеристиками и особым чувственным восприятием. Прием картографирования используется для осмысления собственного я, создания подобия автопортрета через осмысление городского нарратива. Средства картографирования призваны запечатлеть реальное пространство города и в то же время подчеркнуть его эстетическую значимость, соотнести с другими географическими точками и культурными ценностями. Пространство города организовано по принципу палимпсеста, предполагающего наложение друг на друга разрозненных географических координат. Данный прием актуализирует идею вневременности, вечности различных ценностных категорий, а также активного участия личности в создании «схемы пространства».

Герой Д. Бавильского словно пытается преодолеть невнятность, невидимость, внеаходимость, поэтому настаивает на детальной точности в описании городских мест. В цикле «Существительное» определяющим становится желание героя «уловить» пространство и время и запечатлеть их посредством слова.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. *Бавильский Д.* Существительное / Д. Бавильский // Невозможность путешествий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — С. 135—230.
2. *Дмитрий Бавильский* : о суровых уральцах, беспринципных москвичах и пике мира [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. — 14 августа 2017. — Режим доступа : <https://news.rambler.ru/other/37643684-dmitriy-bavilskiy-o-surovyh-uralsah-besprintsipnyh-moskvichah-i-pike-mira/> (дата обращения 01.11.2024).

Литература

1. *Абашев В. В.* Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики : учеб. пособие / В. В. Абашев. — Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. — 140 с. — ISBN 978-5-7944-1920-7.
2. *Аванесов С. С.* Визуальная семиотика города : перспектива исследования городских текстов / С. С. Аванесов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). — 2016. — Выпуск 4 (10). — С. 9—22.
3. *Александрова-Осокина О. Н.* Вопросы геопоэтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 216—241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-216-241.
4. *Борисенкова А.* Нарративный поворот и его проблемы / А. Борисенкова // Новое литературное обозрение. — 2010. — № 3. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/narrativnyj-povorot-i-ego-problemy.html> (дата обращения 01.11.2024).
5. *Ладохина О. Ф.* Топонимика Венеции в произведениях Кати Марголис и Дмитрия Бавильского / О. Ф. Ладохин // История и современность филологических наук : по материалам Междунар. науч. конф. XVI Виноградовские чтения (г. Москва, 5—6 марта 2020 г.) : сб. науч. ст. : в 2 т. — Москва : Книгодел, 2021. — Т. 2. — С. 169—177. — ISBN 978-5-9659-0224.
6. *Линч К.* Образ города / К. Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников, под ред. А. В. Иконникова. — Москва : Стройиздат, 1982. — 328 с.
7. *Мамонова Н. В.* Англоязычные заимствования в современных городских текстах (на примере г. Челябинска) / Н. В. Мамонова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 3. — С. 25—32. — DOI: 10.17238/issn2227-6564-2019.3.25.
8. *Мартина Л.* Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике / Л. Мартина, Р. Линднер, Х. Беркинг. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 424 с. — ISBN 978-5-4448-1167-2.
9. *Маслов Е. С.* Что такое нарратив? / Е. С. Маслов. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. — 116 с. — ISBN 978-5-00130-302-2.
10. *Медведева А. Р.* Город как когнитивное расширение : путешествие поперек пространства в романе Д. Бавильского «Красная точка» // Язык и культура / гл. редактор В. Б. Мещеряков. — Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2023. — С. 31—35.
11. *Медведева А. Р.* Интерфейс города в романе «Красная точка» Д. Бавильского / А. Р. Медведева // Медиа в современном мире : сборник материалов 62-го Международного научного форума / отв. редактор А. А. Малышев. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. — С. 152—154. — ISBN 978-5-00110-363-9.
12. *Медведева А. Р.* Поэтика городского пространства сквозь призму теории атмосферы Г. Беме (на примере романа Д. Бавильского «Красная точка») / А. Р. Медведева // Челябинский гуманитарий. — 2023. — № 2 (63). — С. 46—51. — DOI: 10.47475/1999-5407-2023-63-2-46-51.
13. *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс] / Н. Е. Меднис. — Режим доступа : <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения 22.08.2024).
14. *Мусина Л. Р.* Образ города в зеркале художественного дискурса (к вопросу об идентификации челябинского текста) / Л. Р. Мусина // Lingua mobilis. — 2010. — № 2 (21). — С. 61—64.

15. Пекарь Я. Я. Повседневность как травма в романе Д. Бавильского «Едоки картофеля» / Я. Я. Пекарь // Мир слово. Слово в мире : сборник научных статей. — Гродно : ЮрСаПринт, 2023. — С. 106—111. — ISBN 978-985-7257-75-1.

16. Решетников Д. Е. Место медиатекстов в структуре «городского текста» / Д. Е. Решетников // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2009. — Т. 1. — № 3. — С. 40—42.

17. Рикер П. Время и рассказ / П. Рикер. — Москва — Санкт-Петербург : ЦГНИИ РАН ; Культурная инициатива ; Университетская книга, 2000. — Т. 1. — 311 с. — ISBN 5-7914-0042-X.

18. Семьян Т. Ф. Челябинская поэзия как часть уральского поэтического движения / Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2015. — Т. 12 (2). — С. 28—32.

19. Серто М. Призраки в городе / М. Д. Серто // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 2 (70). — С. 108—121.

20. Сид И. История понятия «геопэтика» / И. Сид // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — Выпуск 11 (722). — С. 153—170.

21. Силантьев И. В. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. / И. В. Силантьев, Е. К. Созина // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 3. — С. 58—68.

22. Симакова С. И. Цифровые обозначения как элемент газетного текста (на примере «Челябинского рабочего») : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / С. И. Симакова. — Челябинск, 2009. — 184 с.

23. Смышляев Е. А. Челябинский поэтический текст как культурная модель / Е. А. Смышляев // Вестник ТГПУ. — 2014. — № 11 (152). — С. 115—118.

24. Спешилова Е. И. Постигание города : от восприятия к воображению / Е. И. Спешилова // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. — 2024. — Выпуск 2 (40). — С. 103—119. — DOI: 10.23951/2312-7899-2024-2-103-119.

25. Ставцева Е. М. Жанровые трансформации в современной челябинской прозе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. М. Ставцева. — Екатеринбург, 2017. — 215 с.

26. Ставцева Е. М. Становление мифологемы Челябинска в современной южно-уральской прозе / Е. М. Ставцева // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2016. — № 8. — С. 192—200.

27. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиперей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. — 58 с.

28. Черновская А. В. Челябинский текст в романе Д. Бавильского «Красная точка» / А. В. Черновская // Наука XXI века : проблемы, поиски, решения : материалы XLVI научно-практической конференции. — Челябинск : Челябинский государственный университет, 2022. — С. 295—298. — ISBN 978-5-7271-1859-7.

29. Шлемова Н. Н. Палимпсест как принцип жанрового моделирования в книгах Е. Марголис «Венецианские тетради» и «Следы на воде» / Н. Н. Шлемова, Е. В. Пономарева // Сибирский филологический форум. — 2024. — № 2 (27). — С. 109—121.

30. Яковлев Д. И. Челябинский локальный энциклопедический текст : интегральная структура / Д. И. Яковлев // Инновационное развитие регионов в условиях глобализации : материалы Международной научно-практической конференции. — Иваново : Плес, 2015. — С. 234—242.

31. Banakh I. Коллективная versus автобиографическая память в книге Дмитрия Бавильского «Музей воды. Венецианский дневник эпохи Твиттера» / I. Banakh // *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich*. — 2021. — Т. 173. — Str. 137—146. — DOI: 10.19195/0137-1150.173.10.

32. Kreiswirth M. Trusting the Tale : the Narrativist Turn in the Human Sciences / M. Kreiswirth // *New Literary History*. — 1992. — Vol. 23. — № 3. — Pp. 629—657. — DOI: 10.2307/469223.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Bavilsky, D. (2013). Noun. In: *The impossibility of travel*. Moscow: New Literary Review. 135—230. (In Russ.).

Dmitry Bavilsky: about the harsh Urals, unscrupulous Muscovites and the peak of the world. (2017). *Arguments and Facts. August 14*. Available at: <https://news.rambler.ru/other/37643684-dmitriy-bavilskiy-o-surovyh-uraltсах-besprintsipnyh-moskvichah-i-pike-mira/> (accessed 01.11.2024). (In Russ.).

References

Abashev, V. V. (2012). *Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics: studies. Manual*. Perm: Perm State National University. issl. Univ. 140 p. ISBN 978-5-7944-1920-7. (In Russ.).

Alexandrova-Osokina, O. N. (2020). Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism. *Nauchnyi dialog*, 5: 216—241. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-216-241> (In Russ.).

Avanesov, S. S. (2016). Visual semiotics of the city: a perspective for the study of urban texts. *ИПАЭХМА. Problems of visual semiotics (ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics)*, 4 (10): 9—22. (In Russ.).

Bakar, Ya. Ya. (2023). Everyday life as a trauma in D. Bavilsky's novel "Potato Eaters". In: *The World of the Word the word in the world: a collection of scientific articles*. Grodno: Yursaprint. 106—111. ISBN 978-985-7257-75-1. (In Russ.).

Banakh, I. (2021). Collective versus autobiographical memory in Dmitry Bavilsky's book "The Museum of Water the Venetian Diary of the Twitter era". *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich*, 173: 137—146. DOI: 10.19195/0137-1150.173.10. (In Polish.).

Borisenkova, A. (2010). Narrative turn and its problems. *New Literary Review*, 3. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/narrativnyj-povorot-i-ego-problemy.html> (accessed 11.01.2024). (In Russ.).

Chernovskaya, A. V. (2022). The Chelyabinsk text in D. Bavilsky's novel "The Red Dot". In: *Science of the XXI century: problems, searches, solutions: proceedings of the XLVI scientific and practical conference*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. 295—298. ISBN 978-5-7271-1859-7. (In Russ.).

Kreiswirth, M. (1992). Trusting the Tale: the Narrativist Turn in the Human Sciences. *New Literary History*, 23 (3): 629—657. DOI: 10.2307/469223.

Ladokhina, O. F. (2021). Toponymics of Venice in the works of Katya Margolis and Dmitry Bavilsky. In: *History and modernity of philological sciences: based on the mate-*

- rials of the International Scientific Conference XVI Vinogradov Readings (Moscow, March 5—6, 2020): collection of scientific articles: in 2 volumes, 2.* Moscow: The Bookseller. 169—177. ISBN 978-5-9659-0224. (In Russ.).
- Lynch, K. (1982). *The image of the city*. Moscow: Stroyizdat. 328 p. (In Russ.).
- Mamonova, N. V. (2019). English-language borrowings in modern urban texts (on the example of Chelyabinsk). *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 3: 25—32. DOI: 10.17238/issn2227-6564-2019.3.25. (In Russ.).
- Martina, L. (2019). *Own logic of cities. New approaches in urban studies*. Moscow: New Literary Review. 424 p. ISBN 978-5-4448-1167-2. (In Russ.).
- Maslov, E. S. (2020). *What is a narrative?* Kazan: Kazan Publishing House. University. 116 p. ISBN 978-5-00130-302-2. (In Russ.).
- Mednis, N. E. *Supertexts in Russian literature*. Available at: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (accessed 22.08.2024). (In Russ.).
- Medvedeva, A. R. (2023). The city as a cognitive expansion: a journey across Space in D. Bavilsky's novel "The Red Dot". In: *Language and Culture*. Chelyabinsk: South Ural State University. 31—35. (In Russ.).
- Medvedeva, A. R. (2023). The interface of the city in the novel "The Red Dot" by D. Bavilsky. In: *Media in the Modern world: a collection of materials from the 62nd International Scientific Forum*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. 152—154. ISBN 978-5-00110-363-9. (In Russ.).
- Medvedeva, A. R. (2023). The poetics of urban space through the prism of the theory of the atmosphere by G. Boehme (on the example of D. Bavilsky's novel "The Red Dot"). *Chelyabinsk Humanities*, 2 (63): 46—51. DOI: 10.47475/1999-5407-2023-63-2-46-51. (In Russ.).
- Musina, L. R. (2010). The image of the city in the mirror of artistic discourse (on the identification of the Chelyabinsk text). *Lingua mobilis*, 2 (21): 61—64. (In Russ.).
- Reshetnikov, D. E. The place of media texts in the structure of the "urban text". *Sign: a problematic field of media education*, 1 (3): 40—42. (In Russ.).
- Riker, P. (2000). *Time and story, 1*. Moscow — St. Petersburg: TSGNII RAS; Cultural Initiative; University Book. 311 p. ISBN 5-7914-0042-X. (In Russ.).
- Semyan, T. F., Smyshlyaev, E. A. (2015). Chelyabinsk poetry as part of the Ural poetic movement. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 12 (2): 28—32. (In Russ.).
- Serto, M. (2010). Ghosts in the city. *Untouchable reserve*, 2 (70): 108—121. (In Russ.).
- Shlemova, N. N., Ponomareva, E. V. (2024). Palimpsest as a principle of genre modeling in the books by E. Margolis "Venetian Notebooks" and "Footprints on the Water". *Siberian Philological Forum*, 2 (27): 109—121. (In Russ.).
- Sid, I. (2015). The history of the concept of "geopoetics". *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11 (722): 153—170. (In Russ.).
- Silantyev, I. V., Sozina, E. K. (2013). Narrative in literature and history. *Based on the diary prose of A. Herzen in the 1840s. Siberian Philological Journal*, 3: 58—68. (In Russ.).
- Simakova, S. I. (2009). *Digital designations as an element of a newspaper text (on the example of the Chelyabinsk Worker)*. PhD Diss. Chelyabinsk. 184 p. (In Russ.).
- Smyshlyaev, E. A. (2014). Chelyabinsk poetic text as a cultural model. *Bulletin of TSPU*, 11 (152): 115—118. (In Russ.).

- Speshilova, E. I. (2024). Comprehension of the city: from perception to imagination. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problems of visual semiotics*, 2 (40): 103—119. DOI: 10.23951/2312-7899-2024-2-103-119. (In Russ.).
- Stavtseva, E. M. (2016). The formation of the Chelyabinsk mythologeme in modern South Ural prose. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, 8: 192—200. (In Russ.).
- Stavtseva, E. M. (2017). *Genre transformations in modern Chelyabinsk prose*. PhD Diss. Yekaterinburg. 215 p. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2001). *Narratology as an analyst of narrative discourse ("Bishop" by A. P. Chekhov)*. Tver: Tver State University. 58 p. (In Russ.).
- Yakovlev, D. I. (2015). Chelyabinsk local encyclopedic text: an integral structure. In: *Innovative development of regions in the context of globalization: proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Ivanovo: Ples Publ. 234—242. (In Russ.).

*The article was submitted 05.11.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*